

Н. И. Воронина¹

ЛИЧНОСТЬ НА ИЗЛОМЕ ВРЕМЕН В ДИАЛОГЕ ЭТНОСОВ

Осмысливая сегодня празднование 1000-летия единения мордовского народа с народами Российского государства (август 2012 г.) как грандиозное событие в одной из российских земель — Республике Мордовия, прежде всего обращаешься к российской духовности как способу человеческого бытия. При этом важно отметить, что в России сталкиваются и приходят во взаимодействие два потока мировой истории — Восток и Запад. Народ России есть не чисто европейский и не чисто азиатский. И это не есть лишь географическое положение. Культура России во всех ее подлинных проявлениях есть мощный и глубокий пафос равенства с культурами и Запада, и Востока. Она своего рода духовный мост, стихия всечеловеческого проникновенного диалога.

Люди, которые жили и творили на мордовской земле независимо от этнической принадлежности, отдавали свою душу ее процветанию, закрепляли определенные черты ментальности, обогащали языки, на которых общались, передавали следующим поколениям социально-психологические установки, способы восприятия мира, манеры чувствовать и думать.

Они жили и живут в лоне одного государства, создавая общую культуру, но исповедуя свои, родные этнические корни. Получался симбиоз? Конечно, нет. Это было и есть плодотворное обогащение, открытие себя через открытие другого, а результат — способность к самосовершенствованию, самоуглублению и самопознанию в русле мироздания.

Древние полагали, что каждое место оправдывает *genius loci* (гений места). Об этом же толкует старинная русская поговорка: «Не стоит село без праведника». Каждое место одухотворено, спасено и оправдано праведником, рожденным там или проходившим по этим местам.

Кто же они, эти праведники, эти гении места? Есть ли они в Мордовии? Чем они интересны сегодня? Смогли ли они построить духовный мост не только в диалоге с Россией, но и с миром?

Духовная реальность **Степана Дмитриевича Эрзы** (1876–1959) — это мир человеческих чувств. Выдающийся скульптор мировой и отечественной культуры и крупнейший модернист европейской культуры, обновитель и выразитель парадигмы человека XX века, вскормлен мордовской землей.

С кем он себя идентифицировал? С кем сравнивал? Чью суть раскрывал?

¹ Директор Центра М. М. Бахтина Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, профессор кафедры культурологии и библиотечно-информационных ресурсов, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный учитель школы Республики Мордовия. Автор более 450 научных публикаций, в т. ч.: «Лики провинциальной культуры», «Личность и время: метафизика музыки», «Многообразие культурных миров» (в соавт.), «Огарев: неисчерпаемость личности», «Хронотоп моей судьбы», «Саранск: город и горожане в зеркале истории» и др. Награждена орденом Славы III степени, орденом «За веру и верность». Третье лауреат Государственной премии Республики Мордовия.

Эрзя — мордвин духом и кровью.

Эрзя — русский душой и пластикой.

Эрзя же — гражданин мира своей культурой.

Можно с этим спорить, но действительно родная мордовская земля была местом рождения и вдохновения Эрзы. Здесь он начинался как художник (и это на всю жизнь). Москва, Екатеринбург, Баку, Новороссийск, Батуми сформировали профессиональную культуру пластики, ее он совершенствовал в Европе. Аргентина дала материал и общение на другом уровне, которое выработало свой, самобытный пласт в мастерстве художника. Можно сказать, что Эрзя — ограниченный художник, никогда не терявший чувства «мы», но преломлявший его в универсальном переживании культуры и нравственности. Основа привлекательности его творчества в том, что он всегда был самим собой, талантливо соединив дар глубокого проникновения в собственный внутренний мир «я», в свои этнические корни с открытостью всему миру.

Николай Платонович Огарев (1813–1877) и **Михаил Михайлович Бахтин** (1895–1975) — российские люди разных эпох, причастные к одной земле — мордовской, прожившие на ней не одно десятилетие; связанные профессиональной идентичностью — литературным и научным трудом, любовью и пониманием искусства, использующие его духовную ипостась в своем творчестве. Оба изгнанники. Огарев вынужден был покинуть Родину и поселиться вдали от нее (в Англии), Бахтин — уехать из своего родного города Санкт-Петербурга и жить долгие годы в провинции (в Саранске).

«Десятилетие в истории и культуре — не то же самое, что десятилетие в календаре. Оно длится не десять лет, а столько, сколько длится тот сгусток культурно-исторического воздуха, который составил его существо», — пишет Г. С. Кнабе². Про Н. П. Огарева можно сказать, что, прожив всю свою жизнь в XIX веке, он все-таки наш современник, он и тогда, и сейчас наполняет интеллектуальную жизнь России вдохновенными идеями, многие из которых реализуются. Он так же, как и Эрзя, — человек мира. Он возвратился не только в Россию, но и на мордовскую землю, делясь своими мыслями и идеями с разными поколениями. Его имя носит Мордовский государственный университет в Саранске, ежегодно проходят Огаревские чтения, аккумулируя научные знания и открытия. А главное — найдены новые грани в исследовании жизни и деятельности конкретного человека, Николая Платоновича Огарева, в оценке его философского и экономического знания, политических, медицинских, изобретательских практик, поэтического и музыкального дара, благотворительной и меценатской деятельности, педагогических опытов, социальной работы, то есть всего того, что можно на-

² Кнабе Г. С. Булат Окуджава и три эпохи культуры XX века: проблема «мы» // Избранные труды: Теория и история культуры. СПб. : Летний сад ; М. : РОССПЭН, 2006. С. 1047.

звать его профессиональной и жизненной идентичностью. А студенты и преподаватели, называя себя огаревцами, идентифицируют себя с его личностью и деяниями.

Прожив в Саранске 25 лет, М. М. Бахтин создал свою духовную ауру в тихом провинциальном городе, расположенном в центре России, несмотря на то, что провинция вырвала его из привычного научного общения, сделала изгоем, определив для него одновременно доли избранничества и обделенности жизнью. Но Бахтин не испытывал характерные для русского интеллигента (особенно провинциала) чувство вины, скуку, одиночество, разочарованность. Он работал... Вдохновенно читал лекции для студентов, писал (чаще в стол) свои гениальные труды, общался с интересными людьми, тем самым превратив вынужденное «заточение» в среду одухотворенного обитания не только для себя, но и для окружавших его людей. Это было его «мы», особое, неповторимое. Это особый тип «его провинции», становящейся духовной столицей, столицей бахтинства, «своей» столицей мира. И не побывав ни разу за пределами России, Бахтин становится гражданином мира.

Федот Васильевич Сычков (1870–1958) и **Николай Владимирович Рябов** (род. 1958) — мордовские художники. Их можно поставить в один ряд, хотя возраст и этническая принадлежность различны.

Ф. В. Сычков родился в русском селе, в русской семье, но всеми своими корнями пророс в этническую суть мордвы. Писал портреты и тематические картины; его полотна реалистичные, яркие, сочные, жизнеутверждающие. Его краски «брызжат» солнцем, лица — улыбками и радостью. Повседневное существование его в быту односельчан-русских и поездки в соседние села, где проживала мордва-мокша, сформировали пограничное мироощущение художника Сычкова. Он видел мордву-мокшу именно в этом ракурсе (платки, пулаи, сьулгамо, другие яркие красно-желтые, солнечные украшения мокшанского костюма). Видел этническую красоту в скуластых лицах, особом разрезе глаз мордвов, круглощеких и голубоглазых русских девочек, размышлял и принимал решения в творчестве на

меж- и транснациональном уровнях. У него была своя позиция, никому не навязываемая, ни у кого не заимствованная. Он и сегодня «живет» среди нас как уникальный бытописатель русской и мордовской деревни, уловивший поэтическую красоту природы и человека в ней.

Н. В. Рябов родился и живет до сих пор в родном мордовском-эрзя селе Подлесная Тавла. Отличительной чертой его творчества является мифологизация места, пространства бытия его предков. Рябов трансформирует реальные впечатления в иной художественный мир, названный им самим «этносимволизмом». Творчество Рябова — это пример иного подхода к своим родовым корням, к своей идентичности через всплеск интереса к этническим формам искусства, интеллектуальной и эмоционально-эстетической потребности человека в их осмыслении. Для этого он обращается к архетипам мордовской мифологии, переводя их на язык современных символов:

— природа, ментальность, семья, дети, быт — это дом;

— мысли, сюжеты, обереги — это Родина;

— образы, чувства, символы, знаки — это душа.

В этом *его* особая укорененность в своем «я» и особое разрешение проблемы самоидентификации. Он гражданин России, Мордовии и своего маленького, но богатого тавлинского мира.

Личность в истории человечества всегда концентрировала в своем существовании и отражала в своей сущности драматизм времени. Поэтому значение личности в истории, равно как и в культуре, трудно переоценить. И сегодня, как всегда на изломе времен, идеи воспринимаются и оцениваются по-разному, а степень собственной причастности к происходящим изменениям в мире осознается личностью так же многогранно, как в случае с нашими персонажами. И сегодня мы, жители Мордовии, тысячелетие прожив вместе на одной земле с другими этносами, не только ощущаем себя частью огромной России, но видим и чувствуем перспективу, так как никогда не скудела духовная суть российской земли и не иссякали на ней таланты.